

Р.Б. Шайхисламов
R.B. Shaikhislamov

**ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ:
ОБЩЕРОССИЙСКИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИЛИ ЛОКАЛЬНЫЙ? ¹
EURASIAN INTERCULTURAL DIALOGUE:
ALL-RUSSIAN, REGIONAL OR LOCAL?**

Аннотация. В главе анализируется проблема, поставленная евразийцами – следует ли определять российскую культуру как евразийскую. На основе исследований автора рассматриваются вопросы соотнесенности в общественном сознании российской культуры с западными и восточными культурами. Поскольку Башкортостан является регионом, в котором представлены и славянские, и тюркские, и угро-финские культуры (которые условно можно назвать евразийскими, имея в виду их общее пространство бытия), он может гипотетически рассматриваться как модель евразийской культуры (при допущении, что таковая существует). Приводятся данные о культурной дистанции жителей Башкортостана различной этнической идентичности к культурам народов региона, страны, ближнего и дальнего зарубежья евразийского континента.

Делается вывод о том, что полноценный межкультурный диалог возможен в том социальном пространстве, где преобладает взаимное приятие этнических культур. Где нет такого преобладания, то межкультурные коммуникации преимущественно являются по своему содержанию толерантными.

В главе использованы данные двух наших исследовательских проектов при финансовой поддержке РФФИ – «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)» в 2015-2016 годы и «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» -концепций поколений Y и Z» в 2020-2021 годы.

Absntract. The chapter analyzes the problem posed by the Eurasians – whether Russian culture should be defined as Eurasian. Based on the author's research, the issues of correlation in the public consciousness of Russian culture with Western and Eastern cultures are considered. Since Bashkortostan is a region in which Slavic, Turkic, and Finno-Ugric cultures are represented (which can be conditionally called Eurasian, referring to their common space of being), it can hypothetically be considered as a model of a Eurasian culture (assuming that such a culture exists).). Data are given on the cultural distance of the inhabitants of Bashkortostan of different ethnic identities to the cultures of the peoples of the region, country, near and far abroad of the Eurasian continent.

It is concluded that a full-fledged intercultural dialogue is possible in the social

¹ Глава подготовлена в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «*Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности*» 2020-2022 гг. по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог».

space where mutual acceptance of ethnic cultures prevails. Where there is no such predominance, then intercultural communications are predominantly tolerant in their content.

The chapter uses data from two of our research projects with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research - "Peculiarities of the formation of the civic identity of Russians in a multi-ethnic region (on the example of the Republic of Bashkortostan)" in 2015-2016 and "Information events in the construction of the image of Russia in the system" I "- and" We "-concepts of generations Y and Z" in 2020-2021.

Ключевые слова. Российская культура, евразийская культура, локальная культура, региональная культура, этническая культура, культурная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, межкультурная дистанция, социальные связи, интолерантность, толерантность, диалог, приятие, принятие, понимание.

Keywords. Russian culture, Eurasian culture, local culture, regional culture, ethnic culture, cultural identity, ethnic identity, civic identity, intercultural distance, social ties, intolerance, tolerance, dialogue, acceptance, acceptance, understanding.

Вопрос о том, существует ли единая евразийская культура, следует ли считать российскую культуру евразийской, в научном общественности является спорным. При этом споры между сторонниками и противниками идей евразийства идут в большей степени на метафизическом уровне, в виде теоретизирования. [1; 2; 3; 4; 15; 17; 18]. В то же время этот научный спор практически никак не выходит на поле широкого общественного обсуждения. Можно сколько угодно в научных спорах приводить аргументы за и против тезиса о существовании евразийской культуры, от этого контуры и самой российской культуры никак не изменятся. Другое дело – обсуждение этого вопроса в рамках широкой (не только научной) общественности, в том числе в межэтническом, межконфессиональном и межрегиональном общении. Публичное обсуждение о природе и тенденциях российской культуры побуждает активных, равнодушных граждан к конструированию самого содержания данной культуры.

Чтобы конструкты культуры стали реальностью, они должны укорениться в общественном сознании. В нем социальная и культурная реальность и отражаются, и конструируется. Показателем того, является ли (если является, то в каких пределах) российская культура евразийской, служит близость культурной дистанции, степень взаимного приятия культур евразийского пространства. Одним из главных постулатов евразийства являются идеи единства культур восточно-славянских, тюркских и угро-финских народов России. Эмпирическая верификация этого постулата может быть осуществлена при помощи измерения взаимной приемлемости культур. Мы можем утверждать, что евразийская культура существует реально, а не только как идеология, при одном допущении – доминировании взаимной приемлемости культур их представителями по сравнению с взаимным

исключением или безразличием.

Возможно ли формирование российской культуры, культурной, социальной и политической идентичности россиян в рамках конструкта евразийства? Наша работа является попыткой дать ответ на вопрос о реальности такой интегрированной надэтнической культуры на основе анализа наших эмпирических данных исследований в Республике Башкортостан за последние годы. Почему за основу верификации мы взяли данные по этому региону? Образное выражение о Башкортостане «сердце Евразии» связано не только с образом административных границ региона и его расположением на границе Европы и Азии, но и его этнокультурным многообразием и особым культурным колоритом. В республике на протяжении столетий в едином социокультурном пространстве проживают башкиры, татары и чувашаи, представляющие тюркские народы, русские, а также украинцы и белорусы - восточнославянские народы, мари, мордва, удмурты – представители угро-финской группы уральской семьи языков. Русские, башкиры и татары составляют абсолютное большинство населения региона, в этом смысле можно говорить о локальном славяно-тюркском социокультурном ареале.

Данные по Республике Башкортостан не дают типичную российскую картинку, поскольку субъекты страны в этнокультурном плане отличаются друг от друга. Но Башкортостан интересен в качестве оригинальной модели российской культуры и культурной идентичности россиян. На примере этого региона возможна эмпирическая верификация о постулата евразийском характере российской культуры.

Методологическими основаниями нашего исследования являются конструктивистский и социокультурный подходы. С точки зрения подхода социального конструирования реальности культура представляется результатом обобщений, определений индивидами того, что считают правильным и значимым. Эти определения, став элементом не только самосознания, но и поведения людей, в результате социальных взаимодействий превращаются в реально существующую культуру. С этой точки зрения определения российской культуры, ее соотнесенности с различными этническими культурами в евразийском пространстве, выражаемые респондентами при опросах населения, дают общую картину постоянно становящейся социокультурной реальности. Культура рассматривается нами не только как предзаданность, служащей базой инкультурации личности. Она функционирует как система конструктов (суждений, понятий) и образов о ценном и нормальном, постоянно воспроизводящейся в процессе внутриличностного, межличностного, межгруппового и массового общения и отображающей в индивидуальном, групповом и массовом сознании. В этом плане данные изучения общественного мнения о специфике той или иной культуры характеризуют не только *сущее* – результаты отражения (адекватное или неадекватное) социальной реальности, но и *должное* – индивидуально и социально желательные конфигурации конкретной культуры.

Второй подход – социокультурный, связанный с именем П.А. Сорокина, предполагает исследование любого социального явления как единства социального, культурного и личностного. Культура есть укоренённые в социальных связях и в структуре личности нормы и ценности, служащие основой социальной и культурной идентичности, программой социальных действий и взаимодействий. Культура является ядром социальных систем, обеспечивающим статистическое или динамическое (в зависимости от типа социальных систем) равновесие, т.е. социальный порядок. Культура также является ядром личности (ценностно-нормативными ориентациями, т.е. идеалами, принципами). Культура формирует, программирует социальный и личностный мир, но, одновременно, сама трансформируется в результате изменений представлений о сущем и должном.

Также проблематика, которой посвящена глава монографии, предполагает использование сетевого подхода. Межкультурная дистанция как показатель интеграционных и дезинтеграционных процессов может быть описана в понятиях сетевого подхода. Социокультурное пространство, в пределах которого формируется единая культура, представляет собой переплетение «сильных» и «слабых» связей, в терминологии М.Грановеттера [6; 22], этнических, конфессиональных, субрегиональных культур. «Сильные» связи – это непосредственные (межличностные, на уровне малых групп, в организациях, по соседству и т.п.) межкультурные контакты. «Слабые» связи представляют собой опосредованные средствами массовых коммуникаций, кино, художественной литературой и другими каналами коммуникации межкультурные контакты. Сетевой анализ позволяет найти ответ на вопрос – на каком уровне (континентальном, российском, региональном в рамках России, локальном) – преимущественно формируется интегративная евразийская культура.

Евразийскую культуру можно представить в виде гипотетических моделей. Первая – это модель единой культуры, в которой другие этнические культуры существуют в виде несамостоятельных элементов. Вторая – это модель интегрированной культуры, в центре которой находится некое ядро общепринятых ценностей и норм, к которому тяготеют относительно автономные культуры. Третья – это модель мозаичной, диффузной культуры, представленной множеством самостоятельных культур, имеющих некоторые общие признаки. Рассмотрим, насколько эти модели могут объяснить социокультурные реалии.

Индикатором интегрированности культур может служить межкультурная дистанция, которая показывает степень общности различных культур. Интеграция культур, в том числе этнических, определяется тем, в какой мере индивиды тех или иных этнической и иной социальной идентичности понимают и принимают чужую культуру. По мере этого понимания и приятия чужая культура перестает быть чуждой и становится близкой.

В отличие от социальной дистанции, которая определяет готовность принять представителей других социальных (этнических, расовых,

конфессиональных и т.п.) групп в социальный круг (семья, друзья, соседи и т.д.), культурная дистанция определяет степень общности различных норм и ценностей. Хотя социальная и культурная дистанция тесно взаимосвязаны, тем не менее, они являются относительно автономными. С одной стороны, принятие представителей другой этничности или конфессиональной принадлежности в свою семью, в круг друзей или коллег обусловлено совместимостью образов жизни, религиозных, моральных и иных убеждений. С другой стороны, сокращение социальной дистанции не предполагает соотносительное уменьшение культурной дистанции.

Проблематика культурной дистанции и культурных границ стала предметом исследований в последние два десятилетия. Этот исследовательский интерес обусловлен социокультурными трансформациями и миграционными процессами в постсоветской России. Появились интересные публикации по этой проблематике [16; 19].

Любая дистанция, и в данном случае культурная не является исключением, измеряется в определенных мерах. Не претендуя на полноту описания «культурной метрологии», предложим две ключевых критерия измерения культурной дистанции. Первый – это понимание другой культуры, то есть постижение смыслов и значений, которыми руководствуются в своем вербальном и невербальном поведении представители другой культуры. Рефлексия интенций действий другого – это первый шаг для встречного движения культур. Рефлексия образа мыслей другого, а через это и постижение смыслов и значений, принятых в другой культуре, не обязательно предполагает принятие их на себя. К другой культуре можно относиться толерантно, отстраненно или даже снисходительно. Но можно относиться к ней сочувственно, на основе эмпатии (сопереживания). Второй критерий – это принятие на себя другой культуры в целом или отдельных ее составляющих. Принятие другой культуры есть шаг к расширению собственной культурной идентичности. Принятие – это положительное отношение к другой культуре, образу жизни, нормам и ценностям другой социальной группы [14].

В нашем исследовательском проекте² в 2016 году респондентам было предложено выбрать один из вариантов на вопрос *«У каждого народа есть свои правила поведения и общения, во что принято верить и что ценить. Как Вы лично относитесь к нормам и ценностям перечисленных народов?»*. Шкалы отношений строились на основе использования типология толерантности, предложенной В.А. Лекторским (безразличие, невозможность понимания, снисходительность, расширение собственного опыта и критический диалог) [13].

На основе двух индикаторов – понимание иной культуры и принятие

² Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) при финансовой поддержке РФФИ в 2015-2016 гг. Методом стандартизированного интервьюирования было опрошено 1000 респондентов старше 18 лет, постоянно проживающих в Башкортостане, по районированной выборке (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим случайным отбором респондентов.

ионной культуры – были сформулированы варианты суждений, представленные в таблице 1. В перечень культур народов, предложенных респондентам для определения своего отношения, были включены следующие группы, представленные в евразийском (в самом широком географическом представлении) пространстве.

Группировка осуществлялась следующим образом:

1. Культуры дальнего европейского зарубежья – английская, немецкая и французская;

2. Культуры дальнего восточного зарубежья – китайская, японская, индийская;

3. Культуры ближнего зарубежья: а) центрально-азиатские – казахская, киргизская, узбекская, и восточнославянские (кроме русской, это украинская и белорусская; однако все эти три культуры представлены в культуре и России, и Украины, и Белоруссии);

4. Культуры наиболее многочисленных народов Урало-Поволжского региона, в том числе Башкортостана – русская, башкирская, татарская, чувашская, марийская, мордовская, удмуртская.

Представление о «евразийской» культуре на основе полученных оценок респондентов Башкортостана можно получить на основе анализа данных в таблице 1.

Таблица 1

Отношение культурам отдельных народов Европы и Азии

Культуры и отношение к ним	«эта культура понятна и полностью приемлема»	«эта культура приемлема, хотя мало понимаю»	«эту культуру пока не приемлю, но стараюсь понять лучше»	«к этой культуре отношусь безразлично»	«эту культуру я не приемлю, но она у нас имеет право на существование»	«эта культура чуждая, она для нас не приемлема»	«затрудняюсь ответить»
французская	3	15,9	4,8	39,9	9,0	13,1	14,2
немецкая	4,7	14,7	5,9	40,2	9,2	11,4	14,0
английская	4,6	15,8	6,1	39,6	8,9	10,5	14,6
японская	3,3	17,3	5,7	39,0	8,5	12,6	13,6
китайская	3,5	15,5	5,6	40,5	9,5	10,6	14,8
индийская	3,1	16	5,1	41,5	8,7	10,9	14,6
белорусская	10,1	17,7	5,3	37,0	8,9	8,3	12,7
русская	52,3	13,2	4,3	15,1	4,7	2,9	7,4
украинская	8,1	15,7	5,2	37,4	10,5	9,6	13,5
узбекская	5,3	19,6	5,3	39,4	9,1	8,8	12,6
казахская	7,1	17,9	6,6	39,4	8,5	7,4	13,1
киргизская	4,6	17	5,1	40,3	10,0	7,7	15,3
мордовская	5,7	19,6	4,8	37,8	9,1	8,8	14,2
удмуртская	5,6	20,2	5,2	38,8	8,8	7,6	13,9
марийская	9,1	19,3	3,5	38,5	8,4	8,1	13,1
башкирская	39,2	21,2	1,1	20,2	5,5	2,8	6,9
татарская	39,7	18,5	6,3	18,5	6,5	2,7	7,7
чувашская	10,8	20,1	3,6	37,1	8,2	6,9	13,3

Если наглядно представить табличные данные в виде лепестковой диаграммы, то мы видим, что культуры дальнего зарубежья – и западного, и восточного – являются дальними и в плане культурной дистанции (см. рис.1).

Открытое неприятие западноевропейских культур показывают каждый десятый респондент, чуть меньше доля тех, кто относится к ним безучастно терпимо; 40 процентам респондентам эти культуры безразличны. Таким образом, 60 процентов респондентов существенно дистанцируются от западноевропейских культур. Подобное отношение проявляется и в отношении культур дальнего восточного зарубежья. Нам представляется маловероятным и ближайшей, и отдаленной перспективе европейский или восточный культурный выбор россиян. И это несмотря и на развитие экономических, политических и культурных контактов с Китаем и Индией; и на более обширное знакомство в школьном образовании западноевропейской художественной литературой, с историей европейских стран.

Что касается культур народов ближнего зарубежья (учитывая то, что в населении России, в том числе Башкортостана, представлены украинцы, белорусы, казахи, узбеки, армяне, азербайджанцы и т.д.), то дистанция в отношении их несколько ближе по сравнению с культурами дальнего зарубежья – в пределах 3 – 4 процентов. Наиболее близкими для респондентов культурами ближнего зарубежья являются белорусская, украинская и казахская.

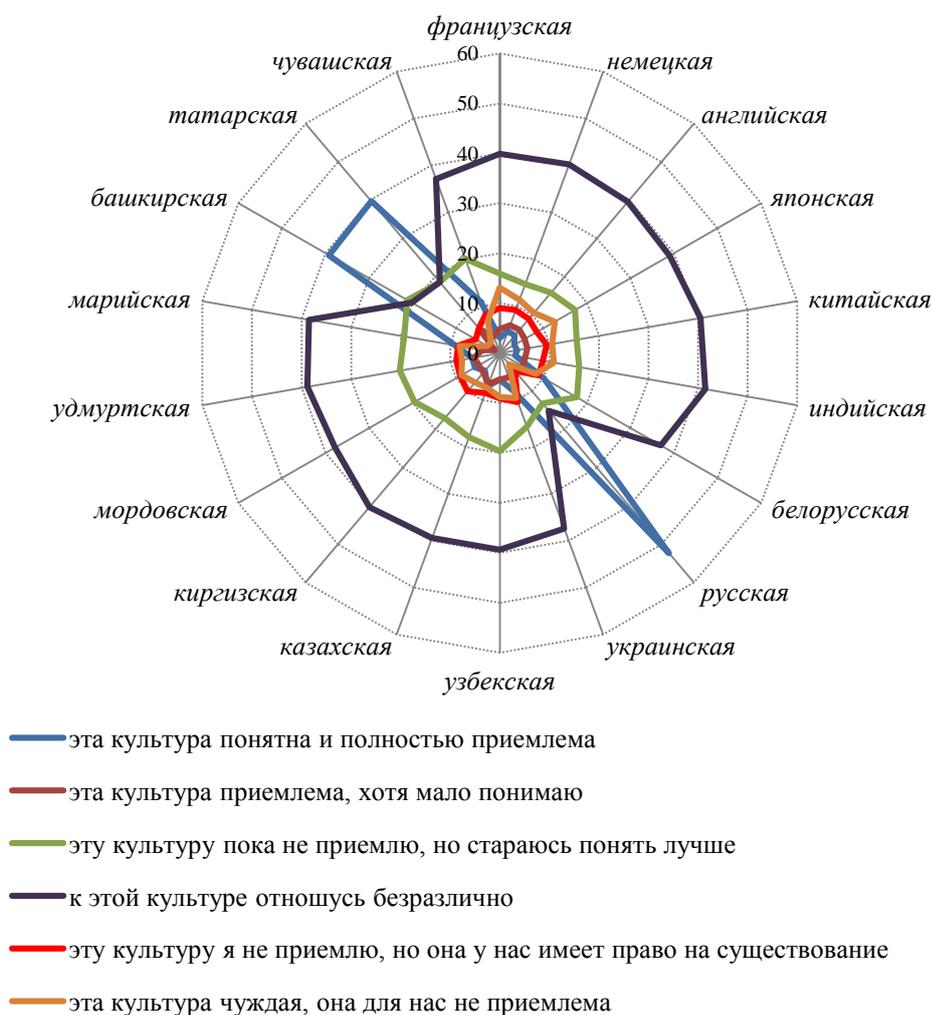

Рисунок 1

Отношение к культурам народов Европы и Азии

В Башкортостане на протяжении длительного исторического времени проживают башкиры, татары, русские, украинцы, мари, чувашы, мордва, удмурты и представители других народов страны. Дистанция в отношении их культур неоднозначна. Наиболее многочисленными этническими группами региона являются русские, башкиры и татары. В культурной дистанции в отношении многочисленных и малочисленных этнических групп региона есть различия. Доля респондентов, выбравших шкалу «эта культура понятна и полностью приемлема» в отношении культур малочисленных народов, составляет от 5 до 11 процентов. В отношении культур русских, башкир и татар доля таких респондентов превышает 4 – 5 раз – от 39 до 52 процентов. Естественно, эти средние данные являются не совсем объективными, поскольку в репрезентативной выборке и количество респондентов русской, татарской и башкирской идентичности многократно больше, чем представителей малочисленных народов. Поэтому необходим анализ культурной дистанции через призму этнической идентичности респондентов.

В таблице 2 приведены данные об отношении респондентов русской, башкирской, татарской и другой (объединенной в одну группу) идентичности к культурам разных народов России и ближнего зарубежья.

Таблица 2

Культурные дистанции респондентов разной этнической идентичности*

<i>Этническое самоопределение респондентов</i>	«эта культура понятна и полностью приемлема»	«эта культура приемлема, хотя мало понимаю»	«эту культуру пока не приемлю, но стараюсь понять лучше»	«к этой культуре отношусь безразлично»	«эту культуру не приемлю, но у нас имеет право на существование»	«эта культура чуждая, она для нас не приемлема»	«затрудняюсь ответить»
<i>русская культура</i>							
Русские	63,1	8,2	3,0	15,1	2,7	1,2	6,6
Башкиры	41,9	17,1	6,4	17,1	5,1	4,3	8,1
Татары	49,0	13,5	4,5	14,8	6,1	4,2	7,7
Другие	50,9	19,0	3,4	12,1	6,0	1,7	6,9
<i>башкирская культура</i>							
Русские	20,9	29,7	3,6	27,9	7,3	1,8	8,8
Башкиры	63,2	10,3	4,3	13,2	2,1	2,6	4,3
Татары	45,0	17,5	3,2	17,8	5,5	4,2	6,8
Другие	27,6	29,3	7,8	19,0	6,9	2,6	6,9
<i>татарская культура</i>							
Русские	19,1	28,5	6,1	27,3	6,1	2,7	10,3
Башкиры	39,9	13,3	9,0	16,3	9,9	4,7	6,9
Татары	67,1	7,7	3,2	11,3	3,9	1,6	5,2
Другие	24,6	29,8	9,6	17,5	7,9	1,8	8,8
<i>чувашская культура</i>							
Русские	8,8	22,1	2,4	40,8	7,3	3,6	15,1
Башкиры	12,3	17,0	5,1	37,4	9,4	8,5	10,2
Татары	5,2	18,8	3,9	37,2	9,7	10,0	15,2
Другие	28,4	24,1	3,4	25,9	4,3	4,3	9,5
<i>мордовская, удмуртская, марийская культуры</i>							
Русские	6,9	21,8	3,3	41,8	7,3	4,1	14,8
Башкиры	3,7	16,9	5,5	39,3	10,8	11,8	11,9
Татары	5,1	18,2	4,0	37,7	8,5	11,2	15,3
Другие	17,4	23,3	7,0	28,5	9,6	4,1	10,2
<i>украинская и белорусская культуры</i>							
Русские	15,3	19,2	3,8	37,7	7,3	3,8	13,0
Башкиры	4,3	15,6	7,5	37,7	9,4	13,2	12,4
Татары	4,5	14,7	3,9	37,5	11,6	12,6	15,2
Другие	13,6	17,1	8,3	34,2	12,3	5,3	9,2

<i>казахская, киргизская и узбекская культуры</i>							
Русские	4,4	20,9	4,6	43,9	7,0	4,3	14,9
Башкиры	6,4	15,6	7,7	37,3	10,4	10,8	11,9
Татары	6,0	16,7	5,1	36,2	10,7	10,8	14,5
Другие	6,7	19,2	6,4	42,0	9,3	5,0	11,4

* Стандартизированное интервьюирование населения Республики Башкортостан в 2016 году по проекту РФФИ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)».

Большой интерес представляют данные об отношении респондентов различной этнической идентичности не только к культурам «других», но и к культуре «своей».

Какова культурная дистанция у респондентов русской идентичности? 63 процента из них считают, что **русская культура** для них понятна и полностью приемлема. Следовательно, что примерно 30 процентов респондентов русской идентичности (если не учитывать тех, кто затруднился ответить) в той или иной степени дистанцируются от своей этнической – русской – культуры. Разумеется, можно не относиться серьезно к тому, что 4 процента респондентов русской идентичности не приемлют русскую культуру («у каждого народа найдутся такие»). Но то, что 15 процентов респондентов русской идентичности безразличны к русской культуре, говорит о наличии серьезной проблемы этнической инкультурации, особенно среди молодежи.

Что касается отношения респондентов русской идентичности к культурам других народов, то наиболее близкая культурная дистанция обнаруживается в отношении башкирской и татарской культур (ближе, чем, например, к таким восточнославянским культурам, как украинская и белорусская). Отношение респондентов русской идентичности к культурам других российских народов и народов ближнего зарубежья принципиально не отличается от отношения респондентов башкирской и татарской идентичности.

Перейдем к характеристике культурной дистанции респондентов башкирской идентичности. Мы видим, что отношение к этнической культуре среди респондентов русской и башкирской идентичности по большому счету не отличается (5 процентов не приемлют, 13 процентов безразличны, 63 процента полностью приемлют). Что касается отношения к другим культурам, то наиболее близка дистанция у респондентов башкирской идентичности к русской и татарской культуре.

Отношение к татарской культуре у респондентов татарской идентичности также принципиально не отличается от отношения к своей этнической культуре среди респондентов русской и башкирской идентичности. То же самое можно сказать и о схожей дистанции респондентов русской, башкирской и татарской идентичности к культурам других народов – как российских, так и других стран.

Культурные дистанции в Башкортостане можно представить себе в

виде расширяющихся кругов. Самый узкий круг (наиболее короткая дистанция) – это русская, башкирская татарская культуры. Второй круг – это культуры других народов Урала и Поволжья, белорусская, украинская и казахская культуры. Третий круг – это культуры народов ближнего зарубежья (кроме указанных украинской, белорусской и казахской культур). Самый широкий круг (наибольшая культурная дистанция) – это культуры дальнего зарубежья.

«Узкий» круг культурной дистанции отличается от других преобладанием взаимного приятия этнических культур («эта культура приемлема, хотя мало понимаю» «эта культура понятна и полностью приемлема»), при этом приемлемость демонстрируют половина и более респондентов. В таком круге существует благоприятная почва для межэтнического диалога как равноправной плодотворной коммуникации.

В более «широких» кругах преобладает равнодушие к другим культурам, что позволяет нам утверждать, что культурная дистанция представлена в виде безразличной толерантности. Возможности полноценного межкультурного диалога в условиях превалирования безразличия к другим культурам весьма ограничены.

Интолерантность не является доминирующей характеристикой дистанции в отношении всех указанных культур народов – российских, ближнего и дальнего зарубежья. Межкультурную нетерпимость («эта культура чуждая, она для нас не приемлема», «эту культуру не приемлю, но у нас имеет право на существование») проявляет незначительная часть респондентов.

В начале главы мы обозначили проблему, поставленную идеологами евразийства – следует ли определять российскую культуру в целом как евразийскую.

В нашем исследовательском проекте 2020-2021 годов³ респондентам в возрасте от 16 по 30 лет было предложено определить, к каким культурам ближе российская культура. Поскольку не у всех респондентов имеются четкие представления о том, какие народы относятся угро-финским, тюркским и славянским, мы предложили респондентам две шкалы культур – западные и восточные. Итак, как идентифицируется российская культура «между Западом и Востоком»?

Таблица 3

Представления о российской культуре в соотнесении с западными и восточными культурами

Российская культура...	ближе к европейским	ближе к восточным	самобытна я, особая	не согласны ни с одним	затрудни лись
------------------------	---------------------	-------------------	---------------------	------------------------	---------------

³ Проект «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» - концепций поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ был реализован в 2020-2021 годы. Методом стандартизированного анкетирования было проведено в январе-феврале 2021 года два онлайн-опроса по 1000 респондентов в возрасте 16-30 лет, проживающих в Башкортостане. Выборка районированная (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежный ком».

	культурам	культурам	культура	определением	ответить
всего, в т.ч.	14,0	8,0	37,7	17,9	22,4
по возрасту респондентов					
16-18	12,2	7,7	33,8	16,2	30,2
19-21	15,0	9,2	41,6	18,1	16,0
22-24	11,7	9,2	35,2	23,0	20,9
25-27	15,3	8,1	34,2	14,4	27,9
28-30	16,3	5,1	41,0	16,3	21,3
по этнической идентичности респондентов					
русская	18,2	9,0	37,8	15,8	19,1
башкирская	9,2	9,2	33,2	19,8	28,6
татарская	12,0	6,3	40,3	17,8	23,6
другие	12,0	7,6	30,4	22,8	27,2
место жительства респондентов					
город, более 1 млн. чел.	15,8	8,7	35,8	21,8	17,9
город, от 50 тыс. до 1 млн. чел.	14,0	9,2	41,4	18,3	17,2
нас. пункт от 10 до 50 тыс. чел.	12,8	10,2	42,3	18,0	16,7
село, поселок менее 10 тыс. чел.	12,0	6,0	34,9	13,7	33,4

Обратим, в первую очередь, на доли респондентов, затруднившихся дать свой ответ. То, что в среднем каждый пятый респондент не может определиться, говорит не только о недостаточном опыте размышлений по этому вопросу, но и об объективной сложности и неоднозначности российской культуры, что не позволяет сводить все к одному знаменателю. Об этом же говорит и выбор варианта ответа «не согласен ни с одним из определений» (русская культура не является однозначно уникальной, прозападной или провосточной).

За исключением тех, кто не смог однозначно дать определение, большая часть респондентов придерживается мнения о самобытности российской культуры. Эта точка зрения практически не зависит от возраста, этничности или места жительства респондентов. Несколько больше, но незначительно, доля тех, кто считает российскую культуру более близкой к европейским культурам, среди русских и жителей крупного города. Что касается отнесения российской культуры к восточным типам, то сторонников такого видения меньше всего. Обращает внимание то, что среди респондентов башкирской и татарской идентичности (если иметь в виду исторически более близкие контакты этих этносов с восточными культурами) «ориенталистов» примерно столько же, сколько среди русских.

В целом, мы не видим явно доминирующей точки зрения о сути российской культуры. Идея самобытности, уникальности российской культуры в молодежной среде не является позицией большинства, с этой точки зрения позиции культурного изоляционизма в молодежной среде не являются прочными. Идеи «европоцентризма», так и «ориенталистики», являются наименее популярными и не могут быть основой прозападных или пантюркистских настроений молодежи.

То, что представления об уникальности, самобытности российской культуры, которая наряду с другими факторами также может быть плодом

синтеза культур восточнославянских, тюркских и угро-финских народов, в общественном сознании напрямую не связывается с евразийскими идеями. Представления о самобытности российской культуры не исключают (скорее даже предполагают) самобытность и русской, и татарской, и башкирской или иной культуры народов России.

Значительная часть респондентов не видят оснований для отнесения российской культуры к какой-либо культурной универсалии и одновременно не усматривают в ней самостоятельную культурную универсалию (самобытную, уникальную). Если учесть, что каждый пятый респондент затруднился со своим ответом, то неопределенность о месте российской культуры является такой же распространенной в общественном мнении, как и представления об ее уникальности.

Как мы видим по данным таблицы, распределение суждений о месте российской культуры во мнениях молодежи практически не связано с возрастом, этничностью или местом жительства (город - село) респондентов.

Подытоживая наш анализ, сделаем следующие выводы. Процесс идентификации российской культуры в общественном сознании еще не завершен. И вряд ли общество придет к единой формуле российской культуры, поскольку социокультурная динамика не упрощает, а, наоборот, усложняет культурную картину общества. При этом эта социокультурная динамика разворачивается в большей степени по своей траектории, тем самым усложняя и общемировую культурную картину.

Что касается гипотезы формирования российской культуры в качестве евразийской культуры, как синтеза различных культур разных по историческому происхождению народов (славянских, тюркских, угро-финских и других), то наши данные не подтверждают ее. В общероссийских масштабах российская культура представляет взаимопроникновение различных культур при ведущей роли русской культуры. Но в региональном срезе мы увидим различные модификации российской культуры. Так, в регионах, в которых русские составляют 80-90 процентов населения, русская культура и есть российская культура. В многообразных в этнокультурном плане регионах – иные модификации российской культуры. Регионы страны в этнокультурном отношении заметно отличаются друг от друга. Это отличие состоит не только в том, какими этносами и в каком соотношении представлен тот или иной регион. В одних регионах происходит интенсивная межэтническая интеграция, активная межкультурная коммуникация; в других регионах сохраняется обособленность этносов и их культур. Поэтому в одних регионах складываются культуры надэтнического характера при сохранении самих этнических культур, другие регионы можно охарактеризовать преимущественно как конгломерат этнических культур.

Если рассмотрим евразийскую модель культуры как некое единство культур славянских, тюркских, угро-финских и других культур, то в каждом регионе это единство своеобразное, оригинальное [5; 7; 9; 10; 11; 12; 21]. Так, применительно к Башкортостану в целом можно утверждать, что складывается «евразийская» культура на основе интеграции русской,

башкирской и татарской культур при сохранении их автономности. В то же время в Башкортостане в отдельных городах, поселках и селах формируются специфические локальные «евразийские» культуры (включая чувашскую, марийскую, удмуртскую, украинскую, мордовскую культуры).

Различные локальные культуры являются результатом не просто этнической и языковой близости населения, но и в большей мере повседневным неформальным межэтническим общением. Такое общение относится, по определению М. Грановеттера, к «сильным» связям. «Сила связи — это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (*emotional intensity*), близости, или взаимного доверия (*confi ding*), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» [22]. Если глобальные культуры формируются благодаря «слабым» (опосредованным, формальным) связям, особенно – посредством массовых коммуникаций, то локальные культуры складываются в результате межличностных коммуникаций.

В целом российскую культуру можно условно обозначить как евразийскую, имея в виду существование многообразных этнических и региональных культур. Но евразийское определение российской культуры – это скорее ее не органическая, а механистическая характеристика. В плане евразийства российскую культуру можно представить не в целом, а виде мозаичной картины множества локальных и региональных моделей интеграции славянских, тюркских, угро-финских и иных культур.

Список литературы

1. Аязбекова С.Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 5-10.
2. Аязбекова С.Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 16-20.
3. Аязбекова С.Ш. «Большая Евразия» и евразийская культура в контексте мировых цивилизаций // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 5-11
4. Бабарыкина Н.В. Формирование этнической культуры молодежи в рамках евразийского пространства // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1 (15). С. 103-106.
5. Гаджигасанова Н.С., Хайруллина Н.Г. Значимость идентификаций в представлениях населения в контексте особенностей этноконтактной среды (на примере исследования в российских регионах) // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С.78-93.
6. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009. С.31- 50.
7. Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. – 2017. Т.3, №2. С.3-9.

8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С.3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

9. Максимова О.А., Нигматуллина Л.К. Молодежь Татарстана о межэтнических отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. 2020. №4. С.222-226.

10. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 76-83.

11. Левашов В.К., Хайруллина Н.Г. Россия – Тюмень: векторы евразийского развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 124-126.

12. Левашов В.К., Малькова В.К., Шайхисламов Р.Б. и др. Социальные и пространственные измерения современного региона. Отв.ред. Левашов В.К., Хайруллина Н.Г. Тюмень, Тюменский индустриальный университет, 2020. 185 с.

13. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. № 11. 1997. - С. 46-54.

14. Мелас В.Б. Шесть способов существования // Логико-философские штудии. 2016. Т.14. №1. С.224-231.

15. Матис В.И. Формирование евразийской поликультуры // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 19-23.

16. Немцева О.В., Михайлов И.В., Гузенина С.В. Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 4 (10). С. 36-47.

17. Панарин С.А. Локус евразийства в современной российской культуре // Вестник Евразии. 2006. №1. С.19-29.

18. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен евразийства // Евразийство и мир. 2013. Т. 1. № 2. С. 4-17.

19. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; [В.В. Амелин и др.]; Авт. проекта и отв.ред. Дробижева Л.М. – М.: Изд-во Ин-та социологии, 1998. – 385 с.

20. Федосеева А.М., Пирлик Г.П. Феноменология субъектности как проявления личностного в отношениях с другим // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 2 (39). С. 89-100.

22. Шаповалова И.С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 21-38.

22. Granovetter M. Network Sampling: Some First Steps // American Journal of Sociology . Vol.81. Issue 6 (May), 1976, 1287-1303.

***Shaikhislamov Rafael Badretdinovich** - Doctor of Sociology, Professor of
Bashkir State University rafaelbadretdinovich@mail.ru*